

УДК 008

Ритмопоэзия Евдокии Дмитриевны Лучезарновой (Марченко) и космические мотивы в русской поэзии

Миронов Данила Андреевич

Кандидат философских наук,
ассистент кафедры пропедевтики,
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский
университет им. академика И.П. Павлова,
197022, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6/8;
e-mail: miro-d@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена краткому обзору русской поэзии в контексте космических мотивов. Выясняется, что даже простое сопоставление тем и вариаций на космические темы в русской поэзии, начиная с XVIII века и по сегодняшний день, показывает историческую тенденцию мировоззрения русских поэтов и литераторов, которая сегодня обозначается как русский космизм. Сам термин, череда знаменитых имен и корпус текстов получили широкое признание в нашей стране и за рубежом. В настоящее время поэтическая традиция русского космизма имеет своё творческое продолжение в лице Евдокии Дмитриевны Лучезарновой (Марченко), которая отражает основные интенции поэтической линии русского космизма в начале XXI века.

Для цитирования в научных исследованиях

Миронов Д.А. Ритмопоэзия Евдокии Дмитриевны Лучезарновой (Марченко) и космические мотивы в русской поэзии // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 3А. С. 96-107.

Ключевые слова

Русский космизм, микрокосм, макрокосм, космос, вселенная, эсхатологизм, ритм, ритмология, ритмометод 7P0.

Введение

Интерес к русскому космизму в российском культурном пространстве возник относительно недавно. Осознание его как культурно-исторического явления произошло порядка 40 лет назад. В последние несколько десятилетий вскрылся целый пласт ранее неизвестных источников, чьих авторов исследователи по праву относят к русским космистам. Несмотря на большую работу, которую проделали исследователи к настоящему моменту, ещё очень многое остаётся невыясненным и нуждается в изучении. Случаются и курьёзные споры, в которых, например, ставится вопрос о том, насколько корректно само именование «русский космизм». Например, некоторые авторы не без оснований полагают, что «лучше было бы назвать эту систему взглядов "российским космизмом" — чтобы сразу понять, что акцент в данном случае делается на географический аспект названия, а не национальный. Но термин уже устоялся» [Владимирский, Кисловский, 2016; Антология русского романа..., 2006]. Однако дело даже не в формальном поименовании, сама содержательная часть русского космизма, скажем, в XX веке, остаётся неисследованным сюжетом для философов и культурологов. В связи с тоталитарным периодом российской истории в XX веке, исчезли не только рукописи русских космистов, трагически и безвестно погибали сами космисты. А те, кому случай подарил «вторую жизнь», до сих пор не получили всестороннего исследования. Доказательством служит, скажем, судьба русского космиста А.Л. Чижевского (1897-1964), рукописный фонд которого до сих пор не получил достойного оформления. «Поэт, художник, историк и, конечно же, естествоиспытатель, он в сорокалетнем возрасте был выдвинут зарубежными единомышленниками на Нобелевскую премию с мотивировкой "как Леонардо да Винчи двадцатого века", но вместо этого получил у себя на родине пятнадцать лет лагерей и ссылки, где ни на один день не изменил творческой работе» [Демин, 2014, 131].

Речь идёт ещё и том, чтобы выяснить сами границы русского космизма, который, несомненно, являясь оригинальным и самобытным феноменом в русской культуре, тем не менее, нуждается в дальнейшем всестороннем и глубоком изучении. Порой возникает насущная проблема, о которой говорят исследователи русского космизма. «В отечественной литературе "Русский космизм" принято делить на три течения: религиозно-философское, естественнонаучное и поэтически-художественный. Это очень условное деление, потому что отдельных его представителей можно отнести ко всем вместе взятым» [Шлёкин, 2017; Веневитинов, 1934]. Можно согласиться с мнением данного автора, поскольку таких примеров, рассмотренных по отдельным персоналиям, можно привести целый ряд: А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский, Н.К. Рерих и многие другие. Если попытаться окинуть взором весь длинный путь, который прошёл русский космизм как мысль о единстве человека и космоса, о цельности знания, об универсальном эволюционизме, то станет ясно, что границы русского космизма уходят корнями чуть ни в «Голубиную книгу». Конкретизация и уточнение этих границ есть дело для будущих исследователей. Рассматривая генезис русского космизма исторически в период с конца XVIII по сегодняшний день, становится более ясной его периодизация. Мировоззренческая установка, включающая в себя то мироощущение и мировоззрение, которое составит основу представлений о русском космизме, сначала проявилась в литературных поэтических текстах поэтов XVIII века, затем получила осмысление и в поэзии, и в прозе в XIX веке. Все три направления русского космизма совпали с «духовным Ренессансом» в России к началу XX века и всесторонне раскрылись во всех областях культуры: в искусстве (литературе,

живописи, музыке), в религиозном творчестве, в философии. Нас будет интересовать становление и развитие космического мироощущения в русской поэзии, начиная с М.В. Ломоносова и заканчивая ритмопоэзией Е.Д. Лучезарновой (Марченко). На этом длинном пути русская поэзия смогла аккумулировать фактически все черты мировоззренческих представлений и установок русского космизма, которые получают своё концептуальное оформление и систематическое изложение только в наши дни.

Начиная с творчества Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765) в русской поэзии отчётливо заявляют о себе темы, которые станут традиционными для русского космизма. К ним относятся размышления о Вселенной, вечности, бесконечности, пространстве-времени, звёздах, Солнце и свете. Темы эти получают развитие и конкретизацию в творчестве практически всех значимых поэтов России на протяжении последующих 200 лет. В «Письме о пользе Стекла» Ломоносов, рассматривая линию развития естествознания от Коперника до Ньютона, приходит к мысли о необходимости освоения природы с помощью знаний. Польза от знаний законов природы и космоса не только прагматике, но в расширении границ созерцания мира.

Астроном весь свой век в бесплодном был труде
Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник.
В средине всех планет он солнце положил,
Сугубое земли движение открыл [Ломоносов, 1986].

И если Петр I открыл символическое «окно в Европу», то Ломоносов на основании фактов естествознания своего времени распахивает «окно в Космос»:

Открылась бездна звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне – дна.

Творчество А.Д. Кантемира (1708-1744) и Г.Р. Державина (1743-1816) также способствовало распространению в русском образованном обществе научных и космологических идей. Кантемир лично перевёл на русский язык текст книги знаменитого популяризатора науки своего времени Бернара Фонтенеля (1657-1757) «Разговоры о множестве миров». Прогрессивные и смелые на тот период космологические идеи, представленные в поэтических творениях авторов, пробивали себе дорогу в сознании просвещённого русского человека с огромным трудом в связи с тем, что Церковь не приветствовала распространение таких взглядов. Однако именно с этих пор тема бесконечности Вселенной, идея множественности миров прочно вошла в русскую литературу и стала характерным мотивом в своеобразной «космической лирике», ставшей предтечей философии русского космизма. «Космическое видение поэтов проявляется не только в попутном вплетении философских категорий в ткань стихотворного или прозаического текста. Космизм — это прежде всего осознание целостности объективного мира во всех его проявлениях, включая единство Вселенной и человека» [Демин, 2014, 71].

Квинтэссенцией такого подхода является поэтическое произведение Державина «Бог». Поэт ощущает себя частицей Вселенной и, одновременно, творческим средоточием мира, как бы сказали сегодня — через чувственное восприятие автор передает единство и гармонию микро- и макрокосмоса:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта печальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог! [Державин, 1957].

Современник поэта — А.Н. Радищев (1749-1802) — продолжает данную тему уже не только в стихах, но и в прозе. Так, в своём трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» он приходит к выводу, что человек является не просто частью природы, но существует и до своего рождения. В начале трактата он сразу озадачивает читателя непростыми вопросами: «Где был ты, доколе члены твои не образовались; прежде нежели ты узрел светило дневное? что был ты, существо, всесилию и всеведению сопричастное и бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? или пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь бездне вещества?» [Радищев, 2001, 6]. Рассматривая эти вопросы, исходя из материалистического представления о мире, Радищев живописует мир сверхчувственного существования как сложный, иерархически организованный мир с телесной организацией. Доступ к этому миру может открыть усовершенствование технических приборов. «Что чувства наши, или лучше сказать, что чувственность может быть изощреннее, то доказывали примеры чувств, из соразмерности своей болезнью выведенных; дай глазу быть микроскопом или телескопом, какие новые миры ему откроются! И как сомневаются в возможности лучшей организации!» [Радищев, 2001, 142]. Можно сказать, что с этого момента в русской литературе рождается мысль об усовершенствовании не только непосредственно человеческой природы, но опосредованное её раскрытие с помощью развития техники и технологий. И только в XX веке эти мысли найдут форму для своего воплощения, скажем, в проекте советской космонавтики.

Если, по словам И.И. Лапшина: «Радищев, которому остался, по-видимому, совершенно неизвестен Кант» [Радищев, 2001, 158], сформировал своё учение, чураясь идеалистической философии, то следующее поколение русских поэтов вполне усвоили мысли и Канта, и Шеллинга, и Гегеля. Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837) уже заговорил о «самостоянье человека», впервые введя в оборот это важное философское словосочетание, за которой стоит в свёрнутом виде вся немецкая трансцендентальная философия классического периода, олицетворяющая «коперниканский переворот» Канта.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Земля без них была б мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня
Душа – алтарь без божества.

В этих хрестоматийно известных каждому школьнику стихах заложена вся основа национального самосознания. Влияние Пушкина на все последующие поколения русских литераторов трудно переоценить. К слову сказать, в поисках аутентичного текста мне пришлось изрядно потрудиться. Дело в том, что второе, концептуально важное четверостишие поэта вымарано практически во всех изданиях XX века, вероятно, в силу идеологических соображений. Именно проблема субъекта и его «самостоянья» в различных контекстах стала главной темой русской литературы («маленький человек», «лишние люди» и т. д.) на протяжении всего XIX века. С точки зрения русского космизма — это тема изучения человека как микрокосма, который повторяет в себе устройство макрокосма.

Начинается углубленное исследование темы «человек и космос» и формирование идей русского космизма, которые всё больше получают воплощение в текстах русских литераторов. Кружок Любоумудров — одно из первых начинаний подобного рода. Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805-1827) намечает контуры модели синтетического знания, которая получит впоследствии яркое воплощение у будущих русских космистов. Если даже в грядущем земное человечество ожидает возможная гибель в результате космической катастрофы, то, не взирая на пессимизм и эсхатологизм этого возможного исхода для планеты, миссия человека на Земле должна осуществиться в полной мере. «Нравственная свобода будет общим уделом; все познания человека сольются в одну науку самопознания... Пусть солнце поглотит нашу планету, пусть враждебные стихии расхитят разнородные части, её составляющие, но, совершив свое предназначение, исчезнет, как ясный звук в гармонии вселенной!» [Веневитинов, 1934, 136].

Желание слияния с космосом пронизывает поэзию Алексея Степановича Хомякова (1804-1860):

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездой в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь [Антология русского романса..., 2006].

Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860) вторит о том же духовном чувстве родства со Вселенной:

И всю наполняя природу собой,
Я с нею летел в бесконечность —
И таинств завеса редела пред мной;
Доступной казалась мне вечность.

Тема жажды преодоления смерти представлена в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова (1814-1841):

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в душе дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь [Лермонтов, 1996].

Новые нотки и интонации появляются в творчестве Афанасия Афанасиевича Фета (1820-1892): устанавливается незримая связь с космосом, звёздами. Космос начинает рассматриваться в своём становлении и развитии вместе с духовной эволюцией самого человека.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звёздной
И, окрылён дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной [Фет, 1997, 288].

Хрестоматийной и яркой иллюстрацией к сказанному также является его стихотворение «Среди звёзд».

Продолжает эстафету «космогонических идей» Федор Иванович Тютчев (1803-1873) с программным заявлением:

Есть целый мир в душе твоей.

Тютчев одухотворяет явления природы и стихии, создавая напряженный диалог между человеком и Космосом, в котором человек сознаёт себя самопознающей частицей Бытия.

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –

Но днём, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом [Тютчев, 1997, 59].

«Космические стихи» целыми циклами появляются у поэтов к началу XX века. У Александра Александровича Блока (1880-1921) в стихах отражены мысли о будущей глобальной катастрофе в Космосе, о диалектике света и тьмы, о круговороте и циклах обновления жизни, о роде разума на планете Земля.

Я видел мрак дневной и свет ночной.
Я видел ужас вечного сомненья.
И господа с растерзанной душой
В дыму безверья и смятенья.

То был рассвет великого рожденья,
Когда миров нечисленный хаос
Исчезнул в бесконечности мученья. –
И всё таинственно роптало и несло.

Тяжелый огонь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие созданья.
Немая грань внедрилась до конца.

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте – без страха и усилья –
Мерцающих идей ему взыграли крылья [Блок, 1962].

Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) ещё в самом начале заявил своё космо-поэтическое кредо: «Я буду соратником ваших космических споров». В его стихах на языке метафор и образов рассказывается о космическом воззрении на мир, построенное на фактах науки. Показательным примером и программным в его творчестве является стихотворение «Мир электрона»:

Быть может, эти электроны –
Миры, где пять материков... [Брюсов, 1961].

В его стихах возникает напряженная поэтическая переключка воззрений как с Лермонтовым, так и с Блоком:

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти – от торжества к бессилью,
Устать прекрасно, – но не умереть [Брюсов, 1997, 183]

М.А. Волошин (1877-1932) в цикле «Путями Каина» посвящает целую главу с названием «Космос» с целью рассказать своеобразную историю космических представлений человечества от оккультных воззрений до теории относительности А. Эйнштейна. При всем изобилии знаний и технологических достижений своего века, Волошин показывает всю ничтожность дел человеческих в сравнении с превосходящей во сто крат сложностью Вселенной.

Темы русского космизма в лирике поэтов XX века ещё предстоит исследовать и здесь, я полагаю, нас ожидает ещё много неожиданных открытий. Но даже представленный краткий и беглый очерк русской поэзии за последние несколько столетий показывает, что космические мотивы в русской стихотворной традиции обрели устойчивый интерес со стороны поэтов, без которого русский космизм не смог бы проявиться как культурно-историческое явление. Не смотря на трагические изломы русской истории, в русской лирике никогда не прекращалась преемственность идей русского космизма на языке образов, символов и метафор.

В настоящее время в нашей стране продолжает эстафету русских космистов в художественной форме современный российский поэт Евдокия Дмитриевна Лучезарнова (Марченко). Благодаря астрономическому образованию, её интересы простираются значительно шире поэтических воззрений на Вселенную и Космос. Начав экспериментировать с традиционной стихотворной формой, она приходит к созданию собственного жанра, условно характеризуемого как ритмопоэзия. В нём в концентрированном виде представлены все темы русского космизма с учётом как поэтических мироощущений и философских воззрений за истекший период времени, так и религиозно-эзотерических представлений с вкраплениями знаний в области достижений научного космизма XX века. Лучезарнова обобщает интенции своих предшественников — поэтов и русских космистов — и приходит к мысли об интегральном и системном космизме, который возможно было бы изложить в форме стихов-ритмов. К настоящему моменту времени ею создано более 200 поэтических сборников, в

которых наглядно представлена её концептуальная позиция. В её личном творчестве поэзия переросла саму себя и воплотилась в учение ритмологии и ритмометод 7P0. Стержневой основой этого учения являются представления русских космистов в самом широком смысле слова (от поэтических воззрений до научных концепций), поскольку космизм в России — больше, чем космизм: это не только и мироощущение или мирочувствие, но особое мировоззрение, которое пронизывает всё бытие русского человека, включая сюда все сферы его жизни и творчества. Здесь просматривается удивительный духовный синтез идей «Голубиной книги» и «Слова о Законе и Благодати», который ещё нуждается в прояснении. В рамках антропокосмизма Лучезарнова выстраивает в своём творчестве практическую антропологию и гуманизм. «Все боги, которым поклоняется человек, передают потенциальные возможности самого человека» [Лучезарнова, 2016, 45]. Задача её проекта состоит в том, чтобы освободить человека от себя самого в пользу человека в себе, понятого как лучшая его часть: от землянина к человеку!

Вселенная, по мнению автора ритмологии, устроена гармонично и красиво, потому и человек, как зримая часть бесконечно становящейся Вселенной, не может быть дисгармоничным. Дисгармонии происходят по многим причинам: из-за страхов, лени, несознания, невежества и др. «Когда человек утрачивает свою связь со звёздами, утрачивает свою связь с Солнцем и Луной, он теряет своё и духовное, и душевное начало, и, что страшнее всего, космическое и космологическое начало» [Лучезарнова, 2016, 21]. В сущность человека природой заложены способности к сопротивлению инерции и косности энтропийным, причинно-следственным процессам, протекающим на Земле; человек способен к эктропии. «Мир устойчивый, разработанный высшим разумом, существует в своей неповторимости, и когда ты в нём появляешься, ты пытаешься поменять мир. Но на самом деле ты можешь поменять только своё отношение к миру, или самого себя, или таких же, как ты» [Лучезарнова, 2016, 27]. Точка зрения Лучезарновой проистекает из того самого пушкинского «самостоянья», которое восходит к кантианскому «коперниканскому перевороту» в представлении о том, что такое человек. Первый шаг к тому, чтобы человек смог в своём сознании отделить себя как природное существо, рожденное во плоти природой от человеческой сущности, которая дана ему высшим разумом, следует считать самосознание. «Пока человек себя не осознал, он не родился. Осознание — есть рождение» [Лучезарнова, 2016, 49]. Перефразируя Канта, который дал представление об априорных формах чувственности, которые заложены в человеке от природы как возможность формирования познавательной способности, Лучезарнова говорит более просто: «Человек фиксирует не саму жизнь, а своё отношение к жизни» [Лучезарнова, 2016, 52]. Перед ним открываются два пути: «Первый способ: усыпить разум, уподобиться животным. Второй способ: пробудить разум и вывести его за страдания» [Лучезарнова, 2016, 52]. Выбрав второй путь, человека ожидает трудный путь познания и самопознания, но и награда будет велика — обретение человеческого облика. «Человек — это место встречи духа и материи» [Лучезарнова, 2016, 68]. Опытные данные, накопленные наукой за последние века приводят к очевидности того, что «всё везде взаимосвязано, поэтому от циклов Солнца, от циклов звёзд, от циклов планет зависит цикл жизни человеческой» [Лучезарнова, 2016, 21]. А человеческий разум «напрямую зависит от звёзд, и, как только существо задумывается о вечности, естественно, звёзды идут к нему навстречу» [Лучезарнова, 2016, 22]. Человек отличается от всех других представителей животного мира особым устройством своего мозга, которое открывает перед ним огромные возможности. «Внутри мозга человека есть два состояния. Одно состояние

называется "пустотность", другое называется "вместимость"» [Лучезарнова, 2016, 203]. Оба состояния позволяют начать работать с временем по методике Лучезарновой. А поскольку человек от рождения и до смерти непосредственно исчисляет и меряет свою жизнь относительно понятия времени, то проблема времени в учении Лучезарновой становится осевой. По наблюдению автора метода 7P0: «само по себе время оказалось очень живой субстанцией. И моё образование — астроном, мне очень помогло, потому что первое, что я услышала о времени, — «звёзды светят временем». А если это так, значит, время можно брать, консервировать, концентрировать. И я стала наблюдать: а как человек входит во время? Оказалось, только в момент экстремальных ситуаций. Когда у человека всё сжимается, ему нужно срочно отсмотреть всю свою жизнь, он попадает во время. Перед его взором всё начинает течь, как в замедленном кино. Значит, мозг человека можно поместить во время, и это единственное, что в человеке ощущает время» [Лучезарнова, 2016, 187]. Более того, «время проявляется словами» [Лучезарнова, 2016, 187], что открыло перед творческим дарованием автора ритмологии перспективу описывать время посредством ритмов. «Ритм есть кусочек живого времени, оформлен определенным образом словами» [Марченко, 2000, 13]. Создавая свои многочисленные книги-ритмы автор предлагает читателю открыть и для себя перспективу овладения временем: «Читая ритмы, познавая ритмы, вы получаете запас времени, который можно перевести в пространство, информацию, энергию» [Лучезарнова, 2015, 14]. Евдокия Дмитриевна создаёт своеобразный вариант поэзиса (ритмопоэзис) на русском языке, который преследует цель познакомить человека со временем, окунув его в космосферу представлений русского космизма, всесторонне продуманного автором. «Ритм — особая жанровая форма, за счёт определенным образом организованной структуры текста, создающая заданные вибрации и содержащая время как субстанцию, способную организовать не только окружающее пространство, но и регулировать человеческие связи» [Лучезарнова, 2013, 6].

Разделяя землянина и человека, забота ритмологии состоит в том, чтобы дать возможность быть человеку. «Плохих людей нет, есть люди недоразвитые» [Лучезарнова, 2014, 26]. Задача сложная, но решаемая, поскольку сама природа в человеке желает раскрыться: «легче стать не землянином, сложнее стать не человеком» [Марченко, 2000, 280]. В конечном итоге усилия человека будут вознаграждены «жизнью без усилий», при которой человек осознаёт, что его жизнь только в его руках и «ничего случайного не бывает». «Счастлив может быть только человек, живущий своей собственной жизнью» [Лучезарнова, 2016, 227], что означает: он есть не только вещь среди вещей мира, живущий по детерминистским причинно-следственным законам природы — он свободен, потому что владеет временем. «Счастье начинается с получения свободного времени, которое можно занять, чем захочется» [Лучезарнова, 2016, 225]. Эти мысли удивительным образом совпадают со знаменитой максимой Канта о «звёздном небе надо мной и моральным законом во мне», под эгидой которой состоялась вся русская поэтическая традиция «космического мировидения».

Космопланетарный человек
На любви энергии взрослеет,
На любви энергии мудреет,
Ненависть в любовь преобразует,
Любви кристалл для жизни формирует,
Космопланетарный человек.

Космопланетарный человек
Уберет бумажные препоны,
Уберет насилия законы,
Мусор слов заботливо сметет,
Кланы форм до сути доведёт,
Космопланетарный человек .

Космопланетарный человек
Трансформирует свое сознание,
Трансмутирует миров создание,
С информацией миров заговорит,
Пласт идей духовных сотворит,
Космопланетарный человек.

Космопланетарный человек
Иерархии магнит познает,
Иерархии зенит узрит,
Иерархии закон знаком,
Знаком Иерархии пометит век,
Космопланетарный человек [Марченко, 1994, 120].

Заключение

Разностороннее учение ритмологии на сегодняшний день пытается суммировать весь интеллектуальный ресурс русского космизма и дать ему «новое дыхание». Установка на поэтическое изложение глубоких и серьёзных проблем научного космизма на языке образов и метафор свидетельствует о том, насколько сильно влияние русского языка на многочисленные поколения одарённых людей в нашей стране. Именно русский язык, осмысленный поэтами не только как поэзис, но как логос, подарил русской культуре такое уникальное в мировой истории явление русского космизма. Поэзис это начинается с космических мотивов, распространяется как вширь, так и вглубь русской культуры, прорастает все творческие площадки, на которых раскрывается творческий потенциал человека и достигает своего апогея в мышлении русского космизма. Очень возможно, что именно поэзис, понимаемый как установка мировоззрения и мироощущения русского человека на особые взаимоотношения между человеком и космосом, является главным двигателем русского духа к свершениям в науке, творчестве, социальном преобразовании страны. Следует более внимательно относиться к культурно-историческому явлению русского космизма, оказавшее колоссальное влияние на все сферы культуры русского мира. Отрадно сознавать, что хрупкая традиция русского космизма, передаваемая через поэтические тексты из века в век не прервалась и продолжает своё существование и ныне, что вселяет надежды на разумное преобразование русского общества в отдалённом будущем.

Библиография

1. Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д. Путиями русского космизма: Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 144 с.

2. Демин В.Н. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Ч. 1.: Русский космос. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
3. Шлёкин С.И. Русский космизм: Проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2017. – 344 с.
4. Ломоносов М.В. Письмо о пользе Стекла // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 236-246. (Библиотека поэта; Большая серия).
5. Державин Г.Р. Бог // Г.Р. Державин. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 114-116. (Библиотека поэта; Большая серия).
6. Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии. – СПб.: Питер, 2001. – 192 с.
7. Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. – М.: Академия, 1934.
8. Антология русского романа. Золотой век / Авт. предисл. и биогр. статей В. Калугин. – М.: Эксмо, 2006.
9. Лермонтов Михаил. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996.
10. Фет А.А. Избранное / Оформл. «Диамант». – СПб.: ТОО «Диамант», 1997. – 448 с.
11. Тютчев Ф.И. Избранное / Оформл. «Диамант». – СПб.: ТОО «Диамант», 1997. – 448 с.
12. Блок А.А. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 1. – С. 6.
13. Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1961.
14. Брюсов В.Я. Избранное / Оформл. «Диамант». – СПб.: ТОО «Диамант», 1997. – 448 с.
15. Лучезарнова Е.Д. Размышления и афоризмы / Е.Д. Лучезарнова, Авторский Центр «РАДАТС». – М.: Академический проект, 2016. – 256 с.
16. Марченко Е.Д. В русле времени, в режиме пространства. – СПб.: Авторский центр «РАДАТС», 2000. – 304 с.
17. Лучезарнова Е.Д. Ничего случайного не бывает. Ритмология для каждого. – СПб.: РИТМОВЗЛЁТ, 2015. – 232 с.
18. Лучезарнова Е.Д. Обо мне заботятся. – СПб.: «Ритмовзлёт», 2013. – 216 с.
19. Лучезарнова Е.Д. (Марченко). Законы радуги. – Санкт-Петербург: РИТМОВЗЛЁТ, 2014. – 256 с.
20. Марченко Е.Д. Радость махатм. – Омск.: ТОО «Полиграф», 1994.

Rhythmopoetry of Evdokia Dmitrievna Luchezarnova (Marchenko) and cosmic motives in Russian poetry

Danila A. Mironov

PhD in philosophy,
Assistant of the Department of propedeutics,
First Pavlov State Medical University of Saint Petersburg,
197089, 6/8, L'va Tolstogo st., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: miro-d@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a brief overview of Russian poetry in the context of cosmic motives. It reveals that even a simple matching themes and variations on space themes in Russian poetry beginning since the 18-th century and today shows the historical tendency of worldview of Russian poets and writers which is denoted today as Russian cosmism. The term itself is a string of famous names and a corpus of texts have widely recognized in our country and abroad. At present the poetic tradition of Russian cosmism has its creative continuation in the person of Evdokia Dmitrievna Luchezarnova (Marchenko) and reflects the main intentions of the poetic line of Russian cosmism at the beginning of the 21-st century.

For citation

Mironov D.A. (2019) Ritmopoeziya Evdokii Dmitrievny Luchezarnovoi (Marchenko) i kosmicheskie motivy v russkoi poezii [Rhythmopoetry of Evdokia Dmitrievna Luchezarnova (Marchenko) and cosmic motives in Russian poetry]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (3A), pp. 96-107.

Keywords

Russian cosmism, microcosm, macrocosm, cosmos, universe, eschatology, rhythm, rhythmology, rhythmomethod 7R0.

References

1. Vladimirskij B.M., Kislovskij L.D. Putyami russkogo kosmizma: Sud'by lyudej i idej. Vliyanie kosmosa na social'nye processy. Poisk zhizni vo Vselennoj. Izd. 2-e. – M.: LENAND, 2016. – 144 s.
2. Demin V.N. Russkij kosmizm vchera, segodnya, zavtra. CH. 1.: Russkij kosmos. Izd. 3-e. – M.: LENAND, 2014. – 200 s.
3. Shlyokin S.I. Russkij kosmizm: Problemy irracional'nogo znaniya, hudozhestvennogo chuvstva i nauchno-tekhnicheskogo tvorchestva. Izd. 2-e. M.: Lenand, 2017. – 344 s.
4. Lomonosov M.V. Pis'mo o pol'ze Stekla // M.V. Lomonosov. Izbrannye proizvedeniya. – L.: Sovetskij pisatel', 1986. – S. 236-246. (Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya).
5. Derzhavin G.R. Bog // G.R. Derzhavin. Stihotvoreniya. – L.: Sovetskij pisatel', 1957. – S. 114-116. (Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya).
6. Radishchev A.N. O cheloveke, ego smertnosti i bessmertii. – SPb.: Piter, 2001. – 192 s.
7. Venevitinov D.V. Polnoe sobranie sochinenij. – M.: Akademiya, 1934.
8. Antologiya russkogo romansa. Zolotoj vek / Avt. predisl. i biogr. statej V. Kalugin. – M.: Eksmo, 2006.
9. Lermontov Mihail. Izbrannoe. Vsemirnaya biblioteka poezii. Rostov-na-Donu, «Feniks», 1996.
10. Fet A.A. Izbrannoe / Oforml. «Diamant». – SPb.: TOO «Diamant», 1997. – 448 s.
11. Tyutchev F.I. Izbrannoe / Oforml. «Diamant». – SPb.: TOO «Diamant», 1997. – 448 s.
12. Blok A.A. Sobranie sochinenij v devyati tomah. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. – T. 1. – S. 6.
13. Valerij Bryusov. Stihotvoreniya i poemy. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1961.
14. Bryusov V.YA. Izbrannoe / Oforml. «Diamant». – SPb.: TOO «Diamant», 1997. – 448 s.
15. Luhezarnova E.D. Razmyshleniya i aforizmy / E.D. Luhezarnova, Avtorskij Centr «RADATS». – M.: Akademicheskij proekt, 2016. – 256 s.
16. Marchenko E.D. V rusle vremeni, v rezhime prostranstva. – SPb.: Avtorskij centr «RADATS», 2000. – 304 s.
17. Luhezarnova E.D. Nichego sluchajnogo ne byvaet. Ritmologiya dlya kazhdogo. – SPb.: RITMOVZLYOT, 2015. – 232 s.
18. Luhezarnova E.D. Obo mne zabotyatsya. – SPb.: «Ritmovzlyot», 2013. – 216 s.
19. Luhezarnova E.D. (Marchenko). Zakony radugi. – Sankt-Peterburg: RITMOVZLYOT, 2014. – 256 s.
20. Marchenko E.D. Radost' mahatm. – Omsk.: TOO «Poligraf», 1994.